

Варлам Шаламов

Зеленый прокурор

ФТМ

Варлам Шаламов

Зеленый прокурор

«ФТМ»

1959

Шаламов В. Т.

Зеленый прокурор / В. Т. Шаламов — «ФТМ», 1959

ISBN 978-5-4467-0962-5

Варлама Шаламова справедливо называют большим художником, автором глубокой психологической и философской прозы. Написанное Шаламовым — это страшный документ эпохи, беспощадная правда о пройденных им кругах ада. Рассказ входит в авторский сборник «Артист лопаты».

ISBN 978-5-4467-0962-5

© Шаламов В. Т., 1959

© ФТМ, 1959

Варлам Шаламов

Зеленый прокурор

Масштабы смещены, и любое из человеческих понятий, сохраняя свое написание, звучание, привычный набор букв и звуков, содержит в себе нечто иное, чему на материке нет имени: мерки здесь другие, обычаи и привычки особенные; смысл любого слова изменился.

В тех случаях, когда выразить новое событие, чувство, понятие обычными человеческими словами нельзя – рождается новое слово, заимствованное из языка блатарей – законодателей мод и вкусов Дальнего Севера.

Смысловые метаморфозы касаются не только таких понятий, как Любовь, Семья, Честь, Работа, Добродетель, Порок, Преступление, но и слов, сугубо присущих этому миру, рожденных в нем, например, «ПОБЕГ»...

В ранней юности мне довелось читать о побеге Кропоткина из Петропавловской крепости. Лихач, поданный к тюремным воротам, переодетая дама в пролетке с револьвером в руках, расчет шагов до караульной двери, бег арестанта под выстрелами часовых, цокот копыт рысака по булыжной мостовой побег был классическим, вне всякого сомнения.

Позднее я прочел воспоминания ссыльных о побегах из Якутии, из Верхоянска и был горько разочарован. Никаких переодеваний, никакой погони! Езда зимой на лошадях, запряженных «гусем», как в «Капитанской дочке», прибытие на станцию железной дороги, покупка билета в кассе... Мне было непонятно, почему это называется побегом? Побегам такого характера когда-то было дано название «самовольная отлучка с места жительства», и, на мой взгляд, такая формула больше передает существо дела, чем романтическое слово «побег».

Даже побег эсера Зензинова из бухты Провидения, когда американская яхта подошла к лодке, с которой Зензинов ловил рыбу, и взяла на борт беглеца, не выглядит настоящим побегом – таким, как кропоткинский.

Побегов на Колыме всегда было очень много и всегда неудачных.

Причиной этому – особенности сурового полярного края, где никогда царское правительство не решалось поселить заключенных, как на Сахалине, для того, чтобы этот край обжить, колонизовать.

Расстояния до материка исчислялись тысячами верст – самое узкое место, таежный вакуум – расстояние от жилых мест приисков Дальстроя до Алдана было около тысячи километров глухой тайги.

Правда, в сторону Америки расстояния были значительно короче – Берингов пролив в своем самом узком месте всего сто с небольшим километров, но зато и охрана в эту сторону, дополненная пограничными частями, была абсолютно непробиваема.

Первый же путь доводил до Якутска, а оттуда либо конным, либо водным путем дальше – самолетных линий тогда еще не было, да и закрыть самолеты на глухой замок проще простого.

Понятно, что зимой никаких побегов не бывает – пережить зиму где-нибудь под крышей, где есть железная печка, – страстная мечта каждого арестанта, да и не только арестанта.

Неволя становится невыносимой весной – так бывает везде и всегда. Здесь к этому естественному метеорологическому фактору, действующему крайне повелительно на чувства человека, присоединяется и рассуждение, добытое холодной логикой ума. Путешествие по тайге возможно только летом, когда можно, если продукты кончатся, есть траву, грибы, ягоды, корни растений, печь лепешки из растертого в муку ягеля – оленьего мха, ловить мышей-полевок, бурундуков, белок, кедровок, зайцев...

Как ни холодны летние ночи на Севере, в стране вечной мерзлоты, все же опытный человек не простудится, если будет ночевать на каком-нибудь камне. Будет вовремя перевертываться с боку на бок, не станет спать на спине, подложит траву или ветки под бок...

Бежать с Колымы нельзя. Место для лагерей было выбрано гениально. И все же – власть иллюзии, иллюзии, за которую расплачиваются тяжкими днями карцера, дополнительным сроком, побоями, голодом, а зачастую и смертью, власть иллюзии сильна и здесь, как везде и всегда.

Побегов бывает очень много. Едва лишь ногти лиственниц покроются изумрудом – беглецы идут.

Почти всегда это – новички-первогодки, в чьем сердце еще не убита воля, самолюбие и чей рассудок еще не разобрался в условиях Крайнего Севера вовсе не похожих на знаемый до сих пор материковый мир. Новички оскорблены виденным до глубины души – побоями, истязаниями, издевательствами, растлением человека... Новички бегут – одни лучше, другие хуже, но у всех одинаковый конец. Одних ловят через два дня, других – через неделю, третьих – через две недели... Больших сроков для странствия беглецов с «направлением» (позже это выражение разъяснится) не бывает.

Огромный штат лагерного конвоя и оперативки с тысячами немецких овчарок вкупе с пограничными отрядами и той армией, которая размещена на Колыме, скрываясь под названием Колымполк, – достаточно для того, чтобы переловить сто из ста возможных беглецов.

Как же становится возможен побег и не проще ли силы оперативки направить на непосредственную охрану, охрану, а не ловлю людей?

Экономические соображения доказывают, что содержание штата «охотников за черепами» обходится стране все же дешевле, чем глухая охрана тюремного типа. Предотвратить же самый побег необычайно трудно. Тут не поможет и гигантская сеть осведомителей из самих заключенных, с которыми начальство расплачивается папиросками махорки и супчиком.

Тут дело идет о человеческой психологии, о ее извивах и закоулках, и ничего предугадать тут нельзя, кто, и когда, и почему решится на побег. То, что случается, – вовсе не похоже на все предположенное.

Конечно, на сей счет существуют «профилактические» меры – аресты, заключение в штрафные зоны – в эти тюрьмы в тюрьмах, переводы подозрительных с места на место – очень много разработано «мероприятий», которые оказывают, вероятно, свое влияние на сокращение побегов, возможно, что побегов было бы еще больше, не будь штрафных зон с надежной и многочисленной охраной, расположенных далеко в глуши.

Но из штрафных зон тоже бегут, а на бесконвойных командировках никто не делает попытки к отлучке. В лагере бывает всякое. К тому же тонкое наблюдение Стендаля в «Пармском монастыре» о том, что «тюремщик меньше думает о своих ключах, чем арестант о своей решетке» – справедливо и верно.

Колыма ты, Колыма,
Чудная планета.
Девять месяцев – зима,
Остальное – лето.

Поэтому к весне готовятся – охрана и оперативка увеличивают штаты людей и собак, натаскивают одних, инструктируют других; готовятся и арестанты прячут консервы, сухари, подбирают «партнеров»...

Имеется единственный случай классического побега с Колымы, тщательно продуманного и подготовленного, талантливо и неторопливо осуществленного. Это – то самое исключение, которое подтверждает правило. Но и в этом побеге осталась виться веревочка, у которой был конец, была незначительная, на первый взгляд пустяковая, оплошность, которая позволила найти беглеца – ни много ни мало как через два года. По-видимому, самолюбие Видоков и

Лекоков было сильно задето, и делу было уделено гораздо больше внимания, сил и средств, чем это делалось в обычных случаях.

Любопытно, что человек, «пошедший в побег», осуществивший его со сказочной энергией и остроумием, был вовсе не политический арестант и вовсе не блатарь – специалист сих дел, а осужденный за мошенничество на 10 лет.

Это понятно. Побег политика всегда перекликается с настроениями воли и, как тюремная голодовка, силен своей связью с волей. Надо знать, хорошо знать заранее – для чего и куда ты бежишь. Какой политик 1937 года мог ответить на такой вопрос? Случайные в политике люди не бегут из тюрем. Они могли бы бежать к семье, к знакомым, но в тридцать восьмом году это значило подставить под репрессивный удар всех, на кого поглядит на улице такой беглец.

Тут не отделаешься ни пятнадцатью, ни двадцатью годами. Поставить под угрозу жизнь близких и знакомых – вот единственный возможный результат побега такого политика. Ведь надо, чтоб кто-то беглеца укрывал, прятал, помогал ему. Среди политиков 1938 года таких людей не было.

У редких, возвращавшихся по окончании срока, собственные жены первыми проверяли правильность и законность документов вернувшегося из лагеря мужа и, чтобы известить начальство о прибытии, бежали в милицию наперегонки с ответственным съемщиком квартиры.

Расправа со случайными, невинными людьми была очень проста. Вместо того чтобы дать им выговор, предупредить, их пытали, а после пыток давали десять, двадцать лет «далеких таборив» – или каторги, или тюрьмы. Оставалось только умирать. И они умирали, не думая ни о каких побегах, умирали, обнаруживая лишний раз национальное свойство терпения, прославленное еще Тютчевым и беззастенчиво отмечавшееся впоследствии политиками всех уровней.

Блатари не бежали потому, что не верили в успех побега, не верили, что доберутся до материка. Притом люди сыскного и лагерного аппарата многоопытные работники распознают блатарей каким-то шестым чувством, уверяя, что на блатарях какое-то каиново клеймо, которое нельзя скрыть. Наиболее ярким «толкованием» этого шестого чувства был случай, когда ловили более месяца вооруженного грабителя и убийцу по колымским дорогам – с приказом застрелить его при опознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.